

РЕМОНТНЫЙ

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА, АВГУСТ 1925 г.

2556
4

№ 30 (140)

Смущать в Д.В.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Цена 15 коп.

КРОКОДИЛ

Рис. К. Ротова.

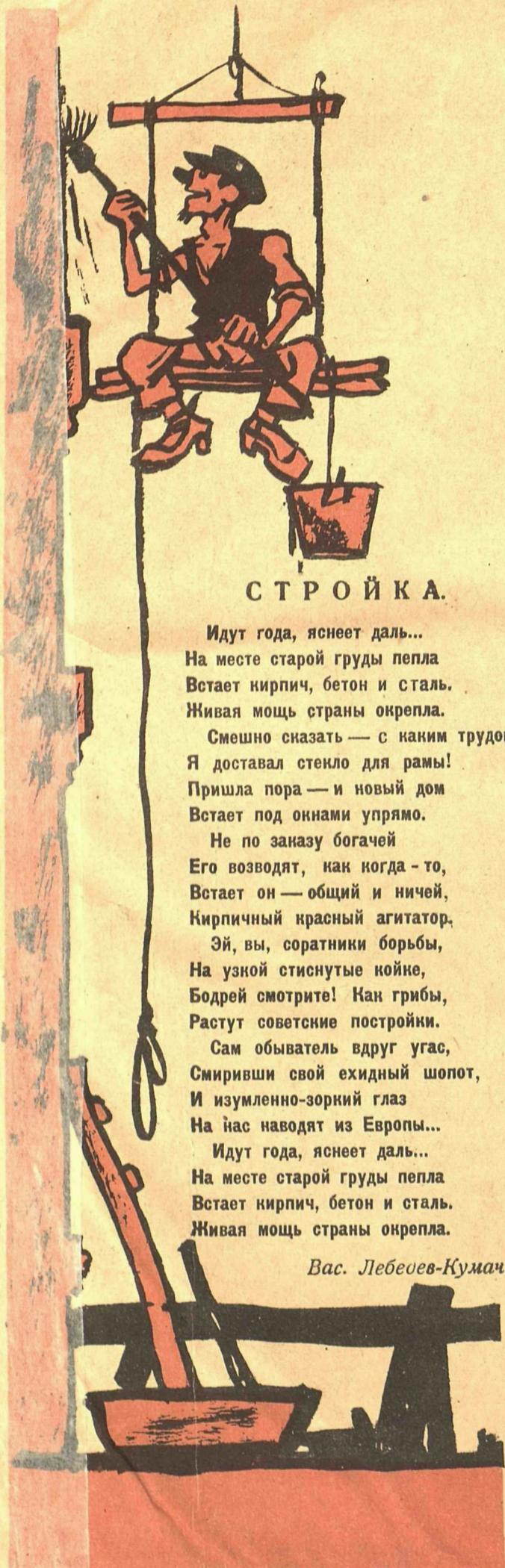
КРЕСТЬЯНЕ В РЕМОНТЕ.

Жара... Крестьянин, торжествуя,
На солнце обновляет грудь.
Его крестьянский дух почуя,
Буржуй плзется как-нибудь.

(Несольное подражание Пушкину).

Рис. Ив. Малютина.

СТРОЙКА.

Идут года, яснее даль...
 На месте старой груды пепла
 Встает кирпич, бетон и сталь.
 Живая мощь страны окрепла.
 Смешно сказать — с каким трудом
 Я доставал стекло для рамы!
 Пришла пора — и новый дом
 Встает под окнами упрямо.
 Не по заказу богачей
 Его возводят, как когда-то,
 Встает он — общий и ничей,
 Кирпичный красный агитатор.
 Эй, вы, соратники борьбы,
 На узкой стиснутые койке,
 Бодрей смотрите! Как грибы,
 Растут советские постройки.
 Сам обыватель вдруг угас,
 Смиривши свой ехидный шопот,
 И изумленно-зоркий глаз
 На нас наводят из Европы...
 Идут года, яснее даль...
 На месте старой груды пепла
 Встает кирпич, бетон и сталь.
 Живая мощь страны окрепла.

Вас. Лебедев-Кумач.

По случаю полумирного времени в Европе идет спешный ремонт капитализма. Время не терпит, спрос на соответствующую рабсилу очень велик,—но предложение еще больше спроса: даже особо квалифицированные вожди социал-демократии охотно хватаются за самую черную, самую грязную работу.

— Недорого бы и взяли!—вздыхают они в прихожих у капиталистов.—А уж работать будем на совесть: много довольны останетесь. Где надо—подмалюем, где надо—контрафорсики поставим, облицовочку подновим, карнизки выведем... Не извольте сомневаться, ваши здоровьица: с ручательством сделаем, года два завполне все продержится!

Но капиталисты все-таки сомневаются:

— Продержится ли? На вас только положись!.

— Да господи же!...—обижаются и протестуют вожди:—неужто же нам впервой? Отродясь не подводили ваших степенств... Работа наша известная! С четырнадцатого года, слава богу, на вас стараемся!.

— Да что с ваших стараний!.. Ей-богу, нам больше расчету прямо к фашистам обратиться.

— Фашист, ваши здоровья, за нашу цену не согласится. Опять же, фашист—он на легкую работу идет, на отделку, а вся черная подготовка нашими-ж руками производится! Фашисту, все равно, без нас невозможно...

— Еще чего не расскажете ли?

— Что ж тут рассказывать... Ремонт германской монархии кто подготовлял: фашисты, что ли? Фашист—он на готовенькое приходит, а грязная работа—вся наша! Не зря зарплату берем.

Капиталисты недовольно морщатся:

— Насчет зарплаты вы погодите... Нынче многие социалисты за одни за харчи соглашаются.

— Несподручно на одних на харчах,—вздыхают вожди.—Прибавить бы надо! Работка-то, ведь...

— Сами же говорите, что привычная!

— Привычная да неспорая. В Болгарии, например, поработать: все руки искровянишь—и по колено в грязи. Это надоть во что-нибудь посчитать, или как?

В конце-концов капиталисты соглашаются добавить к харчам парочку министерских портфелей, утверждают смету расходов,—и сделка заключается. Социал-демократические вожди спешно приступают к черной работе. Работа кое-как движется, но движется и почва под ремонтируемым фундаментом. Возникают непредвиденные трещины, и приходится выходить из сметы.

— Ишь ты, дело-то тут какое!..—бормочут, поскребывая в затылке, вожди.—И кто-ж его знал?.. Придется, значит, в этих местах розовенькими погуще зашпаклевать,—не иначе...

— Сверхсметный расход!—хмурятся капиталисты.—Уговору не было, братцы, чтоб выходить из пределов сметы. Откуда нынче такие деньги?..

— Это уж что и говорить... Одно только средство: ежели бы... бы... бы, бы... мм...

— Язык, что-ль, проглотили? Ну!

— Об...бб...ложение бы капи...пита-а-ла...—заикаются вожди.

Капиталисты складывают три пальца:

— А энто вот видели? С тем и подите. Без портфелей, потому—расходов с вами не выдержитесь. Ништо вам: поработаете и за харчи!

Вожди работают и за харчи. Работа грязная, черная, скверная, но социал-демократический вождь не собака: брезговать ему не полагается.

Работа идет. Трещины наскоро шпаклюются и наспех закрашиваются.

— Не впервой!..—бормочут вожди.—Слава богу, с четырнадцатого года... На-чайшко бы с ваших здоровьиц!..

И вдруг опускают руки:

— Ну, так и знали! По всему по фасаду новая лопаина! Не иначе как английские профсоюзы раскололись... Ах, ты-ж, что-ж теперь делать-то?!?

Капиталисты сжимают кулаки:

— А вы чего же смотрели, сволота соглашательская? Сами-то не могли своевременно полеветь для виду?.. Никакой в вас политики!..

— Дело-то тут такое...—вздыхают вожди.—Коминтерн мутит: не иначе! Тут надобно бы новое письмецо Зиновьева смастерить,—другого и средства нету...

Капиталисты выносят резолюцию:

— Будете без харчей работать: из чести. Кому вы такие нужны, кто вас наймет? Нынче соглашатель рад ноги нам мыть да воду ту пить: только тем и питается!..

Вожди соглашаются и на „без харчей“...

Тяжело ремонтировать капитализм! Работа черная, работа грязная, работа поганая: пес смердящий—и тот нос отворотит...

Но ведь вожди социал-демократии—не псы. Да и не впервой им: с четырнадцатого года стараются.

Грамен.

— Спервоначалу неприятностей разных было—сколько хошь,—рассказывал односельчанам о поездке на курорт Влас Брыкин.

— Как приехал я—и взялись за меня. Перво-наперво волосы и бороду обкарнали, потом повели и посадили в железное корыто с водой. Вылез из корыта—чичас белье дали чистое и велят портки белые одевать, белый пинджак и тухли. Тут уж я было на дыбы.

Как это возможно, говорю, граждане - фершала, чтобы, значит, такое. Я, говорю, крестьянин от сохи, не буржуй какой. Ведь, говорю, ежели меня в таком увидит кто из односельцев—засмеют. Одначе, как я ни козырился, а напялили таки на меня белый пинджак и белые портки.глянул тут я на себя в зеркало и обомлел. Батюшки-светы! Я—и выходит, будто не я, американец какой-то. Потом повели и стали на фтоматических весах весить. Дохтур он, аль фершал, очкастый такой, говорит:

— Отремнтируем вас в лучшем виде. Кушайте до отвала. У нас главное—прижим.

А потом засмеялся и пальцем грозит:

— Чтобы у меня за неделю в весе не менее пяти фунтов прибавить. Через неделю опять вешать будем!

Тут уж я окончательно в расстройство пришел. Попал, думаю, дядя Влас, как кур во ши! И видать, думаю, что прижим, ежели впервоначалу в воду сажают и мериканцем делают. Ведут меня в другое помещение. Стоят там койки и народу масса. Все в белых пинджаках да в тухлях, по обличию мериканцы, а так, по разговору да по выходкам, сразу видать, такие же, как и я, грешный. Одежда на койках и подушки чистые, кругом чистота, даже плюнуть некуда.

Таким манером стал я там жить. Харчей—вдоволь, харчи—выдающие: помню я насчет весов и пруду до упору. Не успеешь цыгарку скрутить—опять есть зовут. Дух кругом легкий, море агромадное, фрухта всякая ни по чем. Не житье, а масленица. А у меня все в голове насчет весов.

Шут его знает, думаю, фершал этот очкастый, думаю, хоша и смеется, а кто его знает, что у него на уме. Не вытяну прибавки в пять фунтов—отправит назад в деревню. А тут хоша и прижим, зато харчей вволю и дух легкий. Раскинул я малость мозгами—и удумал одну штуку. Как через неделю повели на весы, стал я веситься, фершал очкастый даже рот разинул:

— Чудеса!—Говорит,—которые за неделю на фунт не прибавились, а Брыкин сразу на восемь фунтов. Мы, говорит, тебя, Брыкин до зимы здесь продержим, будем исследование твоей организмы делать...

Тут уж я, признаться, сдрефил.

— Как так до зимы? Никак это, товарищ фершал, невозможно. Как я на месяц приехал—дозвольте месяц и отстрадать. Потому, говорю, в деревне у меня баба с уборкой одна никак не управится.

А он мне:

— Нет, для научности будет большая польза и антирес.

Вижу—дело труба. Шут с ними, думаю, и с харчами, и с курортами. Покаюсь фершалу, и крышка.

— Товарищ фершал,—говорю: на счет делов ваши мечтания вы оставьте. Неправильность тут есть. Весы неправильно вес показывают.

— Не может быть, говорит фершал,—потому они фтоматические.

Тут я в отчаянности руку в карман и вынимаю пятифунтовую гирию и ему прямо в нос.

— А это, говорю, тоже штука фтоматическая? Гирька эта самая, которую я в кухне у вас подобрал. Каюсь, неправильно я сделал, зато и гирька у вас неправильная. Пятифунтовая, а восемь фунтов оказалась.

Говорю я это и жду. Заорет он на меня и выгонит из помещения. А фершал как заржет, аж за живот схватился. Пбржал и говорит:

— Ох, уморил ты меня. Зачем тебе этот фокус понадобился?

Тут я все обсказал ему до тонкости.

— А гирька, говорю, у вас неправильная. Написано на ей, говорю, пять фунтов, а она восемь тянет. Чай, продукты вешаете и неправильность большая получается. Придет, говорю, какой-нибудь инструктор для ревизии—влетит вам по первое число.

А он смеется:

— Ну, и башка у тебя, Влас Брыкин! Сразу нас оконфузил. Нет, больше мы с тобой и связываться не будем. И прижим ослобоним. Гуляй слободно, живи, как хочешь.

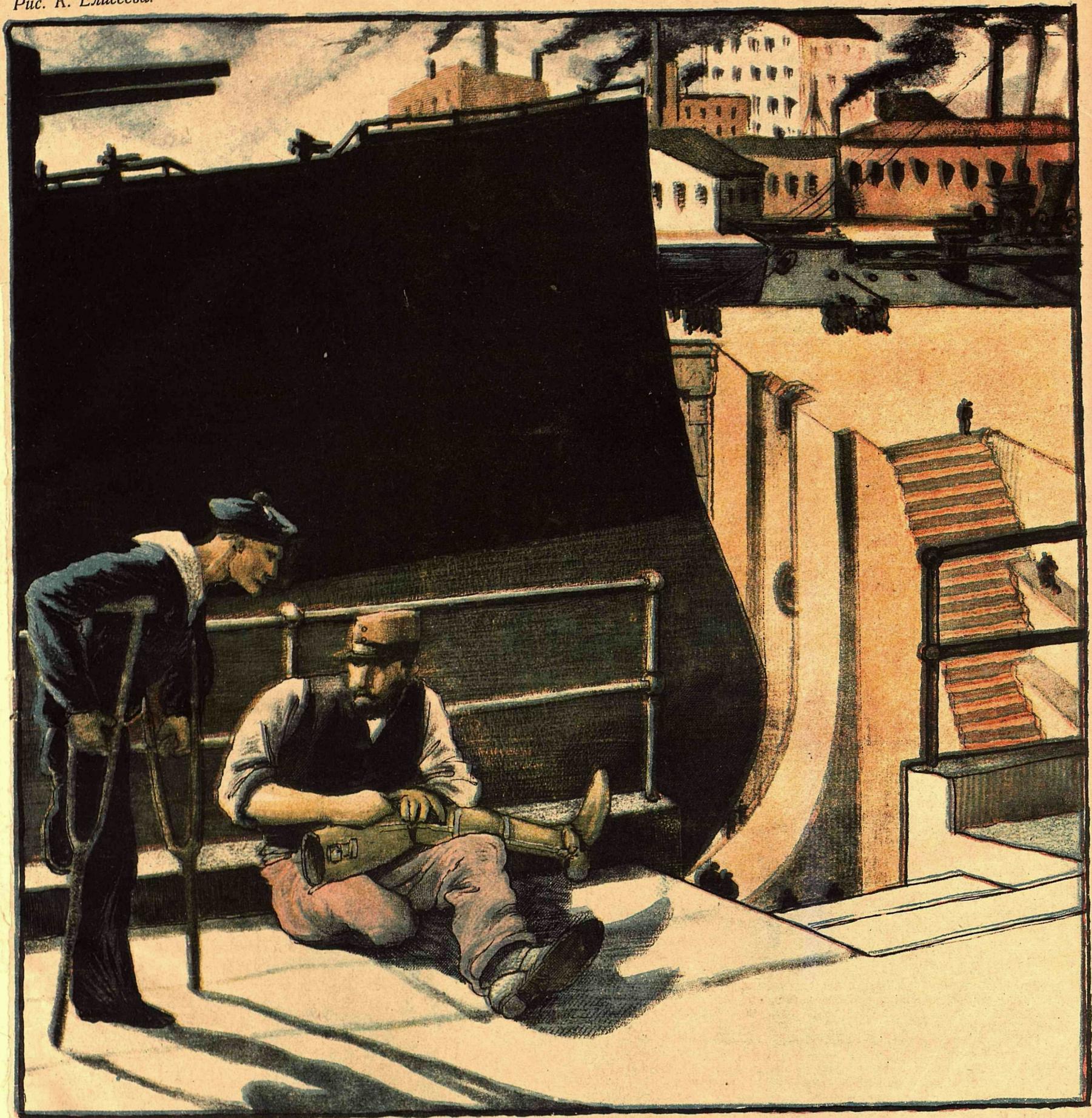
Вот каким манером я там начальство поставил на привильную точку.

И без прижима этого самого, чай, видите, какую ряжку наел!

Н. А. Карпов.

— Вот, мадам, большевики все кричат о ремонте. А вот посмотрите,—стоит женщина безрукая. И ни один чорт не догадается к ней рук приложить.

РЕМОНТ МИЛИТАРИЗМА.

Стук молотков и визги блока...
Волна, подпрыгнувши высоко,
Корабль, военный шевелит.
А здесь, на набережной дока
Протезу чинит инвалид
С глазами, епавшими глубоко.

Давно ли падали колонны,
На смену трупам—люди шли,
Взлетали пылью корабли,
И стон протяжный, похоронный
Звучал во всех концах земли?

Года кошмарные минули,
Свинцом не жалят на-смерть пули

И кровь ручьями не бурлит...
Все оживает понемногу,
Встает на новую дорогу
Весь мир. И чинит инвалид
Свою искусственную ногу.

Но там, на море, за спиною,
Слегка колеблемый волною,
Родится быстро, как во сне,
Гигант, кричащий о войне.
И золото тлетворных банков
Растит стада смертельных танков.

— Эй, инвалид с одной ногой!
Чем пахнет, друг? — Войной, войной...

В. Л.

ВИЛЬГЕЛЬМ В БОК

ОХРАНА КЛОПОВ.

Сообщают:

«В Ярцеве, в Смоленской губернии, в новых дощатых домах так много клопов, что не только ночью, но и днем беспокоят рабочих. Охрана труда обещалась весной отштукатурить эти дома, но до сих пор ничего не сделала».

Зря вы, товарищи рабочие, обижаетесь на свою охрану труда... Правильно она делает. Раз охрана, вот и охраняет клопов...

Только одно не хорошо: несчастные клонники днем и ночью работают.

Охрана труда, почему не установишь клопам 8-ми часовой рабочий день. А?

ОБРАЗЦОВЫЙ РЕМОНТ.

Жалуются «Крокодилу»:

«Правление Шуйских фабрик Гостреста израсходовало до 85.000 рублей на ремонт одного старого необитаемого дома. В результате получилось 15 неудобных квартир—нет погребов, надворных построек и почти нет двора».

Хозяйственное правление... Можно сказать, сделан ремонт не только на ять, но и на твердые знаки—85.000.

В благодарность, так и тянет само правление покрыть...

РЕМОНТ ГОЛОВЫ

Еще деды наши говорили, что скверно, когда правая рука не знает, что делает левая. Вот:

«В школе 2-й ступени г. Шуй с военного врача Кауфмана требуют плату за право учения его дочери 52 рубля,—как с лица свободной профессии. А сына его освобождают от платы,—как сына военно-служащего»...

Вы удивлены, какое отношение имеет этот печальный факт ремонту номеру? А по нашему что же делать, если в чьей-нибудь голове не хватает винтиков?

Ремонтировать, дорогие товарищи, ремонтировать!

РАЗУМНЫЙ АВТОМОБИЛЬ.

«Угличский Уик, Ярославской губернии, в 1924 году приобрел автомобиль, который всего лишь несколько раз выезжал за город, а после этого все время в ремонте. Всю зиму чинили, всю весну чинили и сейчас чинят».

И не починают. Факт. Потому—автомобиль не желает чиниться. И все. Он, брат, понимает,—на кой чорт Угличскому Уику автомобиль, когда там пешком ходить некуда.

НЕНУЖНЫЙ РЕМОНТ.

Пишут в «Крокодил»:

«Когда в стенгазете при Ликинском райсельсуде, Винницкого округа, были прохвачены некоторые партийцы-комсомольцы, то бюро райкома РЛКСМ постановило: замазать стенгазету».

Вот единственный и нежелательный способ ремонта стен.

РЕМОНТ АРИФМЕТИКИ.

На станции Смагино, Моск. Каз. ж. д., висят две доски с вычислением расстояний:

- 1) от станции Смагино до раз. Каменцы 9 вер. 60 саж. — 12 килом. 861 метр;
- 2) от ст. Смагино до ст. Сергач 39 вер. 343 саж. — 42 килом. 336 метр.

По одной доске, выходит, сажень равняется двум метрам, а по другой трем.

Человек может иногда проглотить аршин, но проглотить метр—это слишком. Можно поперхнуться.

ДОРОГАЯ КВАРТИРА.

На кустовом производственном совещании Сталинградского округа, в Донбасе, на вопросы рабочих, почему ремонт квартиры главного инженера Фридмана стоит около 4.000 рублей; в то время, как по смете полагалось 1.400 рублей—в заключительном слове гр. Фридман ответил: «кто хочет добиться стоимости ремонта, добьется, но кто хочет сделать карьеру выступлениями, не сделает, ибо я не допущу».

Правильно, гр. Фридман. Такими выступлениями, как ваше, не только нельзя сделать карьеру, можно даже ее погубить.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

В магазине Винторга (орг. НКЗ), в Ленинграде, в д. № 36 по Проспекту 25 октября, в окне висит надпись:

Если хочешь быть здоровым—
Пей вина Винторга.

Этой заметке место в отделе «Новости науки и техники», но поскольку она все же касается ремонта здоровья, правда, несколько необычного типа, оставляем ее у нас.

АВТОРЕМОНТ.

На Красавинской ф-ке, Северо-Двинской губ., администрация занимается покупкой негодных вещей; купили паровоз; походил с трудом месяц и стал; стоит уже год; купили автомобиль; пройдет с полверсты и станет; приходится его назад на лошадях тащить. Теперь купили паровоз, который делает 3 версты в час.

Позавидовали тамошние администраторы красной столице. У вас есть царь-колокол, который не звонит, и царь-пушка, которая не стреляет, чем мы, мол, хуже. У нас теперь—свои памятники старины. Есть чем похвастаться.

ТЮТЕЛЬКА В ТЮТЕЛЬКУ.

Чердынский РИК, Верхне-Камского округа, отменяет постановления областного исполкома и издает собственные постановления, в частности постановление об обязательной покраске крыш было им издано, когда уже начался заморозки.

Мы предлагаем Чердынскому РИку зимний план работ: переместить улицы в декабре, а в январе—произвести древнонасаждение и начать поливку улиц.

СТРОИТЕЛЬ ПО НАТУРЕ.

В селе Болхуны, Еногаевского уезда, Астраханской губ., предвика т. Липчанский вскрывает и цензурет письма местного селькора. Он сам заявил об этом на заседании Еногаевского уикса, правда, объяснив это случайностью.

Председатель уикса по натуре—строитель. Любит всюду ремонтить произвесты. Если, примерно, в селькоровском письме кой-что насчет Липчанского написано, можно сейчас же замазку произвесты... и окрасить все события в волости в розовый цвет. И начальству приятно, и, главное, для себя спокойнее.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Председатель Слободского сельсовета, 1-го Уральского района, Свердловского округа—Сысоев и секретарь—Кузнецов принимают деятельное участие в церковных делах. Кузнецов состоит одновременно членом церковного совета. В пасху председатель читает в церкви апостола, поет на клиросе, снабжает церковь дровами. На ремонт школы и избы-читальни, которые разваливаются, они не обращают никакого внимания.

Не мешайте, товарищи, Сысоеву и Кузнецову,—они серьезным делом заняты, а вы какими-то пустяковыми ремонтами им голову морочите. В двух советах сразу работать трудно. Пускай они по церковной части займутся, а по советской—других найти можно.

О ВВЕРЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ.

В гор. Полторацке женотделом была послана женщина-делегатка в Туршелк с просьбой о принятии ее на какую-нибудь вакантную должность. Завтуршелком, Петров ей заявил: «куда ты со своей рожей прешь? Мне нужны такие, которые могли бы привлечь публику во вверенное мне учреждение».

Без ремонта никак нельзя. Придется вам, тов. делегатка, подштукатурить щеки, окрасить губы, подвести и обновить глаза, авось тогда вы поправитесь Петрову и вверенному ему учреждению. Кстати, неужели это учреждение не могли вверить кому-нибудь более подходящему?

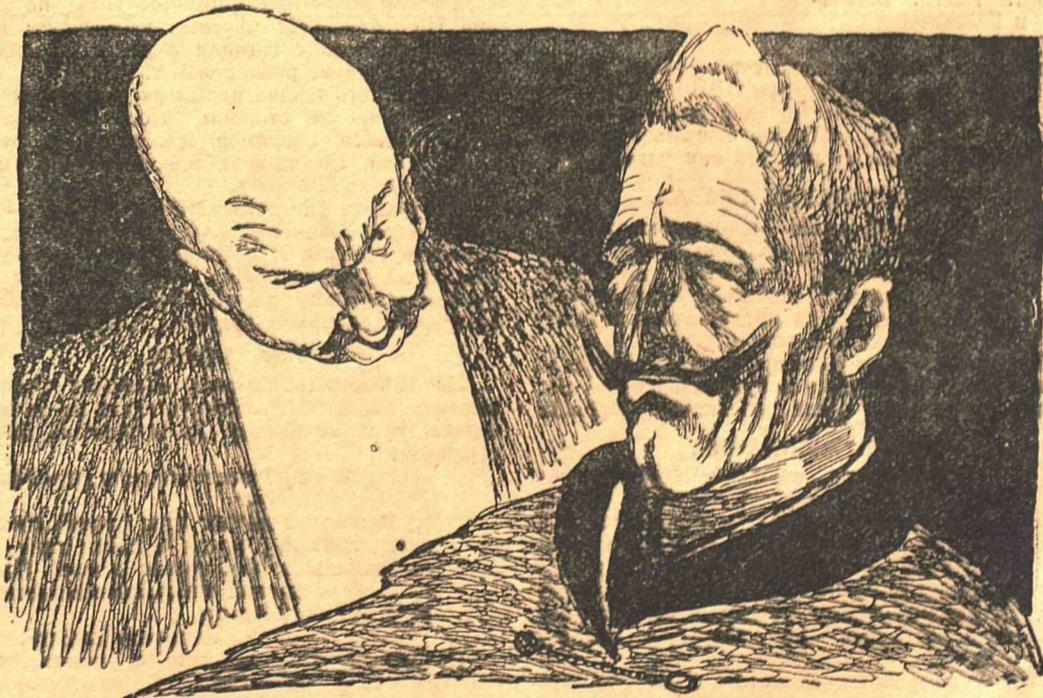
МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ.

На Курловском Госстеклозаводе, Рязанской губ., ячейка РКП(б) обсуждала вопрос о принятии на должность кассира рабкоопа. На заданный вопрос секретаря ячейки т. Давыдов заявил, что прием рабочих и служащих входит в компетенцию ячейки.

Тов. Давыдов слегка подремонтировал устаз партии. До сих пор на предприятиях этим делом занимались администрация и местком. Но раз т. Давыдову так хочется принимать и увольнять служащих, то тут выход может быть только один. Придется Давыдова директором ф-ки назначить. Раз человеку хочется, что поделаешь?

ОМОЛОЖЕННЫЙ ВИЛЬГЕЛЬМ.

Рис. К. Елисева.

— Ну, как вы чувствуете себя после ремонта, ваше величество?

— Прекрасно. Только вот сесть не на чем... Трончик бы что-ли кстати уж отремонтировали!

„КАПИТАЛЬНЫЙ“ РЕМОНТ.

Рис. Ю. Ганфа.

По-меньшевистски.

ТОЖЕ О РЕМОНТЕ.

Президиум ЦИК Автономной Чувашской ССР в заседании от 25 мая с. г. наряду с важными делами разрешает также и такие «государственные» вопросы:

Слушали:

Постановили:

п. XXXVIII.

Ходатайство гр. дер. Ильбан Хазилова о снятии Уменьшить штраф до 3-х рублей.

штрафа за найденный у него самогон.

Докладчик—т. Ефимов.

Слушали:

Постановили:

п. XXXXI.

О командировании на курорт. гр. гр. Васильевой и Гальцевой. Санционировать.

Докладчик—т. Ефимов.

Ремонт здоровья вопрос, конечно, важный, но нам все же кажется, что президиум ЦИК ЧАССР включил эти пункты в повестку дня только для того, чтобы каким-нибудь способом попасть в наш ремонтный номер. Как видите, это ему удалось.

О МОЗОЛИСТЫХ ГЛАЗАХ.

На здании бывш. Медведниковской гимназии (ныне 9 трудовая школа имени Эдисона) до сих пор красуется двуглавый орел, увенчанный короной. Художественной ценности он не представляет, а мозолист глаза уже 8-й год.

Если б еще руки мозолил, а не глаза, тогда дело другое. При приеме в Вуз пригодилось бы. А так—ни к чему. Наша резолюция: Сбросить

ПРОМКОМБИНАЦИЯ.

РКК при Шадринском Промкомбинате постановила: «Если работа счетного отдела по составлению отчета за второй квартал (который должен был закончиться в апреле) будет закончена к 20-му июня, сотрудники в количестве 8 человек получат по двухмесячному окладу, а если к 1-му июля — тогда по полуторамесячному окладу».

Есть такие работы, за которые не то, что двухмесячный оклад — выходного пособия не жалко.

ДОРОГОЙ ПРАЗДНИК.

В Свердловской газете читаем:

«По случаю торжественной закладки насосной станции, движение автобусов по линиям производиться не будет, так как автобусы будут обслуживать поездки членов горсовета».

Принимая во внимание, что в городе 6 автобусов, спрашивается, сколько это торжество будет стоить Окрестхозу?

Неужели насосная станция должна выкачивать народные деньги?

СВЕРХЭКОНОМИЯ.

Предсельсовета села Верхне-Спасского, Рассказовской волости, Тамбовского уезда, по фамилии По, отличается многими качествами: пьянствует, гоняется с наганом в руках за крестьянами, преследует рабкоров и т. д.

«Есть и еще целый ряд «хороших действий» со стороны этого председателя. Получая, например, жалованья 14 руб. в месяц, По на днях приобрел себе мотоцикл за 300 руб.».

Чему здесь удивляться? Очень просто — значит человек с экономил на личных расходах. Покопеечки собирал. А мотоцикл очень даже удобная штука. Далеко можно уехать. Сегодня мотоциклом в хулиганский № «Крокодила» попал, а завтра, гляди, прямо в губсуд и ДОПР.

ПУХ И ПРАХ.

На Тейковской фабрике «Красный Октябрь» имеются такие специальности, каких ни на одной бирже труда не бывает. Да и приказы бывают странные:

«На основании распоряжении дирекции Приказ.

В наикратчайший срок уничтожить все гнезда птички, а также и самих птиц, проживающих в фабричном дворе. Причем рабочих с данной специальности взять из стол найма фабрики.

Директор Вицын».

Не мешало бы, попутно с уничтожением птичьих гнезд, ликвидировать безграмотность, которая свила себе довольно прочное гнездо в дирекции.

ТАК БУДЕТ!

Мы доживем свой век в квартире,
Построенной при старом мире,
Кладя заплату там и тут
На неприглядное наследство.
Но наши внуки проведут
Свое сверхающее детство
Не так, как дети и отцы,
Согнувшись в жалкой кубатуре —
Наследникам борьбы и бури
Мы возведем дома-дворцы.
И радуется сознание,
Что, может быть, в каком-то здании
Частица будет кирпича.

от Кумача.

НЕСЧАСТНЫЙ ДОМ.

Вот кому не везет, так действительно не везет. Это дому нашему, Капустинский пер. № 11. Прохожие шаркаются, боятся—обвалятся, задавит. В каждой квартире известка с потолка падает и стены плесневеют. Как дождь иль снег тает, в комнатах наводнение и ребята играют в рыболовы. В уборную наши жители к соседям бегают или на пустырь... Короче говоря, дом разваливается. Необходим срочный ремонт, а его нет. И нет его потому, что честных людей нет. Вот что нас заедает...

В 1924 г., сейчас же после Рождества, заговорили о ремонте. Стоп. Денег нет. Все-таки вывернулись. Две комнаты продали. Квартирную плату повысили. В общем собрали 1.000 с лишним и решили хотя бы фасад, крышу и канализацию исправить. Только не пришлось,—на троицу сбежал управдел в неизвестном направлении с деньгами и с женой жильца квартиры № 28.

Вскоре новый управдом общему собранию докладывал:

«Товарищи, если в этом сезоне не будем ремонтировать, то дом пропадет. Но чтоб отремонтировать, необходима ссуда из банка. Своих денег нет. За свет еще должны. Нужна ссуда в размере 3.000 рублей. И тогда ручаюсь, что к осени у нас будет не домики, а красота. Каждую квартирку, как мармеладу, отделаю. Паровое отопление исправим. Для детей во дворе садик разобьем. Положитесь на меня, сделаем на ять».

Уполномочили его, Перлова и Меньшуткина. Действуйте, дорогие товарищи, да скорее. Радовались жильцы. Мечтали.

А через три месяца—извольте: вся эта троечка перед общим собранием кланялась:

— Хотите, сажайте нас в тюрьму, только вам пользы от этого никакой. А мы согласны ежемесячно выплачивать. И в течение 3-х лет все до копейки...

Ну и ругали же их! Еще бы! Тут крыша протекает. За водой к водокачке бегай. Прохвосты! Жулики! Больше всех ругал их я. А они стоят, как подсвечники, и руками разводят: «Хотите, сажайте, только пользы вам никакой»...

И решило общее собрание: пусть выплачивают. В новое правление выбрали меня.

Хотя я долго отбрыкивался, но пришлось согласиться. В самом деле надо же кому-нибудь серьезно взяться за дело, а то дом окончательно развалится.

Жильцы радостно пожимали мне руки и восторженно кричали. Держись, Палахов, ремонтируй. На тебя вся надежда...

**

Лежа на Евпаторийском пляже, я с удивлением прочел в газете: «Опять растрата». Член правления жилтоварищества (Капустинский пер. № 11) Палахов, П., захватив с собой 1.200 рублей общественных денег, скрылся»...

Вовсе не 1.200. А 950. Верь после этого газетам!

Б. Левин.

РЕМОНТ И РЕСТАВРАЦИЯ.

(Мысли кстати).

Реставрация и ремонт — не одно и то же, как думают некоторые наивные люди. Ремонт — вещь хорошая, нужная, но простая и грубая. Реставрация — тоньше. Она требует особых знаний, требует художественного подхода. Ремонт — это здоровый, мускулистый, веселый, краснощекий парень; реставрация, — сухая, жеманная, принудренная дама.

Если, к примеру, сломался у вас зуб и поставили вы себе на этот зуб крепкую золотую коронку — это будет просто ремонт (сколько бы вы ни заплатили за коронку!) Предположим теперь, что тот же самый зуб (передний) ломается у какой-нибудь кокетливой барышни или дамочки. Станет она делать себе честную и прочную коронку? Ни за что! Она предпочтет наставить зуб хрупким фарфоровым кончиком, чтобы все выглядело совсем, как прежде, будто ничего и не ломалось. Это будет — реставрация. Пример с дамочкой мы привели не случайно: дамочки и барышни большие спецы по части реставрации. Они ухитряются реставрировать молодость, красоту и даже еще более тонкие и delicate вещи...

Если человек, исхудавший как щепка, и продавший в голодные годы все до нитки, — постепенно вновь пополнил и обзавелся предметами первой необходимости, — это просто ремонт. Ремонт хозяйства, ремонт организма. Если тот же человек — бывший лавочник, открывший после нэ'а свою лавочку на прежнем месте, — берет служащих без профсоюза и тянет из них жилы, а с покупателями сдирает шкуры — это уже реставрация.

Когда в школах после долгого перерыва наладились нормальные занятия по новой программе — это был ремонт, капитальный ремонт. Но когда в одной из школ учителя стали ставить учеников в угол, заугивать и оставлять без обеда — сразу получилась реставрация.

Приятно видеть на посту с красным жезлом гражданина милиционера. Он — наглядный показатель того огромного, небывалого ремонта, который распалил докрасна всю страну. Но как только этот милиционер начинает брать взятки, исследовать кулаками физиономии граждан и орать: — «Разойдись!» и — «Осади на плитуар!» — сразу начинает пахнуть реставрацией.

Можно бы привести еще тысячу примеров, показывающих наглядно огромную разницу между ремонтом и реставрацией. Но уже и вышепри-

веденных вполне достаточно, чтобы понять, что реставрация штука тонкая и нам с ней почти всегда не по пути.

Бывает, конечно, что и реставрация нужна и полезна. Например, разве плохо, если реставрируется какой-либо памятник старины, старый дом, старая усадьба? Но если в этой усадьбе остается ее прежний владелец и начинает прибирать усадьбу к рукам — реставрация становится черезчур полной и оттого нежелательной.

В общем же, надо сказать, что реставрация нужна и хороша только до тех пор, пока она не выходит за границы ведения Главмузея и отдела охраны памятников старины. В остальных областях нам нужен только здоровый, крепкий, смелый ремонт. К сожалению, не все еще прочно усвоили эту точку зрения.

**

Отметим в заключение, что наиболее полные сведения о реставрации можно получить у нашей заграничной эмиграции, — она на этой реставрации все зубы поломала. Впрочем, латинское слово реставрация среди эмигрантов все чаще заменяется французским словом: ресторация. По смыслу — это одно и то же, и естественно, что наши парижские эмигранты более склонны к французскому языку.

Всех лиц, особенно интересующихся реставрацией (как советских граждан, так и иностранцев) — мы с величайшим удовольствием отсылаем к вышеупомянутым знатокам эмигрантам.

Вас. Лебедев-Кумач.

НЕУДАЧНЫЙ СОВЕТ.

Доктор: — У вас нервное расстройство. Поезжайте в деревню, там подремонтуетесь.

Партработник: — Помилуйте, доктор! Я и заболел-то оттого, что меня мобилизовали в деревню.

К СТРОИТЕЛЬНОМУ СЕЗОНУ.

— Вы живете в сносном доме?

— Да, на снос годится.

* * *

Подрядчик (осматривая постройку): — Кажись все готово. Остается еще кое-где подмазать и можно сдавать.

ПРОСЯТ РЕМОНТА.

Рис. К. Ротова.

1. Сырость, которую трудно вывести.

2. Вывеска, которую надо поднять на должную высоту.

3. Двигатель просвещения, которому не хватает лошадиных сил.

4. Меньшевик, которого надо покрасить, приделать ручку и... выкинуть.

В ОДНОМ ИЗ ДОМОВ.

Две модистки, три старушки,
Судомойка из «Пивнушки»,
Тип, на рынке снявший ларь,
Репортер, лотошниц пара,
Тройка служащих из «Бара»,
Лекарь, пекарь и кустарь,
Два попа, студент из Вуз'а,
Безработный из Союза,
Врач-венерик и зубной,
Спец по жести, спец по коже, —
Жилтоварищество тоже
Заклучили меж собой.
На собрание приходили,
О ремонте говорили...
Говорили года два.
Горько плакались в домкоме:
— Ведь, грибы растут на доме!..
Вам грибы — не трын-трава!
Председатель, выпив пива,
Говорил красноречиво:
— Не избыть нам страшных бед.
Зря народ у нас скупенек,
И немного-б нужно денег!..
Возражали: — денег нет, —
Две модистки, три старушки,
Судомойка из «пивнушки»,
Тип, на рынке снявший ларь,
Репортер, лотошниц пара,
Тройка служащих из «Бара»,
Лекарь, пекарь и кустарь.
Два попа, студент из ВУЗ'а,
Безработный из Союза,
Врач на поприще зубном,
Спец по жести, спец по коже...
— Денег нет, но, правый боже,
Коль взаправду рухнет дом!..
Как-то утром, страшно стало.
В доме... что-то задрожало...
Все на улицу бегом.
Прибежали, посмотрели
И... от счастья, покраснели:
То... соседний рухнул дом.
— Ах, не наш!... То у соседа:
— Без ремонта нет житья!..
И шумели, и взыхали,
Только денег... не давали,
Ни полущки, ни копы, —
Две модистки, три старушки
Судомойка из «пивнушки»,
Тип, на рынке снявший ларь,
Репортер, лотошниц пара,
Тройка служащих из «Бара»,
Лекарь, пекарь и кустарь.
Два попа, студент из ВУЗ'а,
Безработный из Союза,
Врач на поприще зубном,
Спец по жести, спец по коже:
— Зря давать их для чего-же,
Коль стоит и даром дом!..
М. Андриевская.

Рис. Ю. Ганф

...ПРОСИТ КИРПИЧА.

РЕМОНТ.

От той поры, что зовется военными коммунизмами, оставался наш уездный город Спльйск в очень, сказать, потрепанном виде. Военные коммунизмы—они в Спльйске только опровергали буржуазные осадки. Докончили-ж наш уездный городочек как повстанческие отряды конопатого батьки Ангела, который хуже был чорта, так и азиатская холера, прибывшая в Спльйск на заключение недородного голода.

А доголе был наш уездный городочек такой тихонький, что об слюном выстреле из централки так по преданиям вспоминали:

— Выстрел что-ж... безо всякого акта состояния... холостой был выстрел!

Доголе очень спокойно в Спльйске люди проживали и уже смели что до ероку окачурится, то—одна причина:

— Переел человек... ему-ба за двоих кушать—куды ни шло—отлежался-ба, а уже покушавши за троих—сами рассудите—может книжка таковую перегрузку без сверхурочных выдержать? И померет себе человек по е'добной причине... Да и почему-же было и не помереть? Крепко подзакусивши и помереть не жалко...

Совсем другие времена настали в девятнадцатом годике с прибытием сюда батьки Ангела. Спльйску он, между прочим, на Спльйск, и объявляет:

— А теперь я указанный городок в мелкие порошок разотру!

И пошло с батькиного соизволения:

— Пах—па—ах... трах... тр—рах... бей, жги, обыскивай... тащи таковых, которые «без вина виноватые»!!...

Опалели от такого терроризма спльйские жители, а там так приучились к потере жизни через посредство свинцовых пуль, что ежели который день стрельбы нету, то даже забеспокоются:

— Не стреляют?... А?!... Не приключилось-ли чего?

И верно — выходит тут дальше такое приключение, что под самые спльйские ворота подкатили золотые погонники. Знамя у них трех цветов, царское и нагайки-треххвосточки, царского образца.

Заряжают погонники ихние орудия и—р-раз по нашему Спльйску; два по нашему местожительству; три—крышу, что твой конвертик, рвут четыре—стенки в разные стороны, веером...

Эх, не взвидели в ту пору люди спльйские свету белого:

Потому — в погребах засели, а из погребов когда маленько нос высулужишь—глядь: ангеловцев в городке нету и золотые погонники сюда не прибывают, а сам Спльйск тоже в размерах поубавился: один дом будто целый, другой дом—в доску, третий домик хоть на месте, только крыша—ау!...

Власть тогда возникает в городке окончательно красно-советская и начинает она порядки предписывать. Мол:

— Товарищи-граждане! Побольше революционной сознательности, ибо в бессознательном состоянии нету никакого гражданского самосознания, а гидра контрреволюции только вышеуказанного и дожидается.

На двух дощечках по старинке
Маляр под крышею повис,
Как паучок на паутинке.
Малюет охрою карниз.
И дождь из охры льется вниз
На головы и на ботинки.
Внизу ругается народ, —
Маляр смеется и поет:
— Плохо-ль нам, малярам,
День — работам, два — гулям,
Са—а—ами краски заправлям!

Изломан ломом тротуар.
И тут — котлы, и там — котлы,
Кипит в котлах песок и вар,
Вокруг котлов и чад и жар
И тучи серые зольи.
И здесь и там нельзя пройти, —
Перегоржены пути.

И шум и гром на мостовой,
Булыжник, щебень и песок...
На щебень в'ехал ломовой,
И милицейский, чуть живой,
Жезлом его толкает в бок:
— Давай назад! Назад давай!!
Ревет авто, звонит трамвай...

Пыль над Москвой, как сизый зонт,
Везде, везде, везде ремонт:
На службе, дома, на дворе...
Ремонтной покорясь поро,
Сажусь и медленно пишу:
— На месяц отпуск дать прошу.

Устала за год голова.
Слова рифмуются едва...
В глазах — зеленые круги —
Ремонта требуют мозги.

Вас. Лебедев-Кумач.

- Какой храбрый дом.
- Почему?
- Умирает и не сдается.

Блес.

- А недорого ли тресту обойдется ремонт директорской дачи?
- Пустьяки! В кошечку.

И подобному не бывать как в уездном, так и в международном масштабе!

Очень сознательное было предписание, да только тут потянуло с ищейкой голодом и оборвало советские порядки.

Оборвало вплоть до самых неэпов, а также и до наступления довоенной жизни в смысле преобразования фронтов.

Оглянувшись вназад на Спльйск с красным оторчением и издала на цветных бумажках уездное постановление со словами:

— «Красные граждане города Спльйска! Тяжелые годы военных боев и острожелудочных лишений уже—позади. Мы, красные граждане, вступили в эпохи возрождения на пролетарских началах всей страны. Теперь на наш Спльйск смотрят с международной солидарностью как народы Востока, так вообще и народы Запада. Вперед же и за дело возрождения красные граждане. Докажем в революционном масштабе, что дух разрушающий, он же — и по строительной части.»

Оглянувшись Спльйск сам на себя, вздохнул:

— Эх, Спльйск, Спльйск! Десна ты старухина. Домов в тебе,—что зубов в той десне. И как зубы те дома — шаткие, гнилые. Эх!

Но эх или не эх, а возрождаться надо, потому, во первых—международная солидарность на Спльйск посматривает, а еще того главнее—постановление уездной власти есть и в революционном масштабе и с красной печатью.

Началось спльйское восстановление в нижеследующем порядке: зберется ночной порой житель Иванов на домик жителя Козодойченки и пока житель Козодойченко храпит во все завертки — обдерет Иванов кровлю с Козодойченкова дома и на свой домик перетащит. Утром Козодойченко все разнюхает и—к Иванову:

— Возверни, распотак тебя, мою крышу!

— Крышу?—Изумляется Иванов,—в каком таком смысле?

— А вот я т-тебе сейчас...

Свернет скулу Иванову и лежит он у себя в покоях, пузырится в потолок, а тем временем Федор Цыц у Ивановского флигеля ставни с мясом отдирает а тем временем, пока Федор Цыц на промысле отлучился—заборчик от Цыцова дома будто живой отошел. А волокут его в темноте Пампулов с Дембицким, а у них самих — может в тот секунд крыльцо с домом прощается, да акация-дерево под топориком с корнями расщелкается.

А утром Федор Цыц Пампулову—кулаком по загривку, а Дембицкий Зарембе—зубы в кровь считает.

Такой «ремонт» взаимный идет, что до полного искажения личностей не получалось и ежели-б не трудненьки с особыми приметам, то и не опознать бы местных людей.

«Заремонтированысь». Да и как-же иначе? Со времен военных коммунизмов постановления беспрекословно исполняются, опять-же неудобно нам без ремонту; Впрочем, как никак, смотрят на возрождение Спльйска с неслабевающей солидарностью международных отношений.

Л. Митницкий.

РАССТРОЙКА НА ПОСТРОЙКЕ.

(Знатные иностранцы).

Рис. Ив. Малютина.

— Скажите, сэр, почему вы так расстроились?

— Расстроишься тут, когда любой заводик—и так расстроился! Эти строения портят мне все настроение!

КРОКОДИЛ

ГОРОД ДВОРЦОВ.

Город сильно пострадал от боев и бесчинств добармии,—когда чуть ли не целые кварталы были преданы огню, кое-где торчали обуглившиеся постройки, недоразвалившиеся каменные дома: улица производила впечатление челюсти с выбитыми и испорченными зубами.

Года через два я снова попал туда. Городок ожил, заработали заводы. Нанесенные войной повреждения живописно поросли травой и кустарниками. Казалось, что прямо из пыльной улицы—окно в стель, на целину. Разговорившись с комхозовскими вождями, я совершенно неожиданно услышал от них слова утешения:

— Что вы, товарищ, сокрушаетесь? Все к лучшему! Разве здесь были путные постройки? Да ничего подобного! Все-равно при том жилищном кризисе, какой у нас развился, эти жалкие лачуги совершенно не помогли бы нам. А теперь на месте этих пустырей мы воздвигаем величественные здания! Пойдемте, я вам покажу...

Мы прошли по наиболее пострадавшим местам. Мой проводник был сух, краток и решителен до поэтичности в наименовании зияющих пустырей:

— Дворец труда. Семнадцать этажей по сорок восемь квартир. Все усовершенствования. Наверху — мощная радио-станция и аэромаяк, величайший в Европе.

— Дом детей. Тридцать два этажа. Железо-бетонная громада. Чистота, свет, уют. Вместимостью на все детское население Европы. Занимает целый квартал и еще пол улицы. Наверху — высочайший сад и аэродром.

— Дом матерей. Сорок восемь этажей. На каркасе, по американскому методу. Рассчитан на всех матерей Европы. Наверху—станция метрополитена.

— Дворец крестьянина. Сто тридцать два этажа. Смешанной постройки—каркас и железо-бетон. Рассчитан на крестьян всей Европы. Наверху — показательный колхоз — животноводство и прочее.

— Дом-коммуна. Сто сорок две тысячи квартир. На всю Европу. Что-нибудь в отдельности. Наверху свой Волховстрой.

— Дворец печати. На все газеты Европы. Наверху ротационные и прочие там линотипы, стереотипы и матрицы. Как видите — мешает этот двухэтажный домишка, торчит здесь среди предназначенной под дворец площади. Все портит. На-днях приступаем к слому...

Остеклявшийся от грядущих чудес, я добрался до вокзала и выкинулся из города дворцов. В поезде мне снились сто сорока двух этажные матрицы и рассчитанные на все европейские газеты метрополитены.

Летом двадцать четвертого года я снова был там. Уж очень хотелось прокатиться с аэродрома, что на доме детей.

Шел проливной дождь, и мой прошлогодний проводник не посоветовал мне идти смотреть постройку.

— В сущности ничего интересного еще нет. Практически, так сказать, к постройке не приступали, но кое-что сделали: прежде всего места будущих дворцов оградил колючей проволокой и написали, что посторонним вход строго воспрещается. А то, знаете, чуть ли не

СТАРЫЙ ПЕДАГОГ: — Разрешите и мне внести свою лепту в ваш ремонтный номер.

гулянья устроили в этих местах. Да еще дом,—помните, мешал дворцу печати?—внесли уже! Теперь не мешает... Но пройти там в дождь нельзя, непролазная грязь. Мы не мостим, потому что потом торцовая будет мостовая, так что временную делать нет смысла...

— А что это, товарищ, у вас за городом возле вокзала лагерь какой-то? Цыгане что ли?

— Нет, какие там цыгане! Это, так сказать, живой укор для центра: за отсутствием жилищности рабочие в палатках живут. Летом-то ничего, а как зимой будет, вот в чем вопрос? А центр молчит, знаете... Попробуем, конечно, своими силами. Да вот приезжайте на будущий год,—не узнаете города. Дворец труда—семнадцать этажей по...

Я попрощался и уехал.

В этом году я встретил строителя совершенно случайно в вагоне.

— Ну, как дворцы?

Он только рукой махнул.

— Разве с нашим центром можно сговориться? Мы-то со своей стороны все сделаем: еще несколько старых домишек развалилось и очистилась площадь для дворца искусства,—в прежнем плане он был упущен... Но что делает с нами центр? Представьте себе, ассигновал средства «на рабочее строительство».

Теперь придется строить только двухэтажные домики для рабочих квартир.

Вл. Павлов.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕМОНТА.

Рис. И. Малютина.

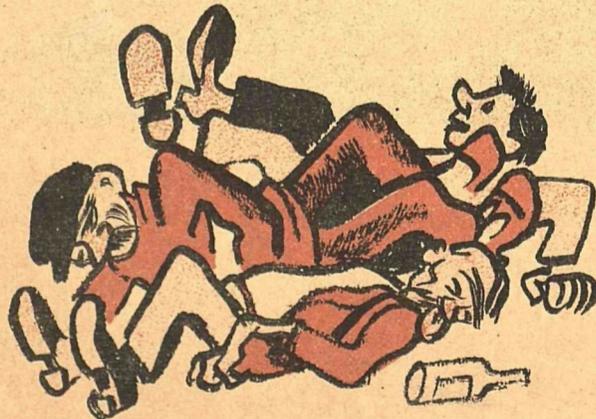
Кирпич.

Штукатурка.

Бревно.

Доски.

— Ремонтизм у меня—вот я в ремонтный номер и пришла. Может, отремонтируют...

РЕМОНТ ПРЕДСЕЛЬСОВОСТА МИХРЮКОВА.

— А вот у нас, в Селивановке, скажу я тебе, случай один вышел довольно-таки поучительный.

Поставили при нашей избе-читальне это самое радио, трубу установили усилительную: и тебе поет, и тебе играет, а уж говорит до чего внушительно, таких голосов у нас, обыкновенно, в округе и не услышишь!..

Дядюшка мой, Федор Степанович, у инструктора обо всем расспросил:

— Скажи ты мне, товарищ. инструктор, на манер чего эта труба устроена и чем она, обыкновенно, действует?..

Тот, конечно, все раз'ясняет: в Москве в трубу поют, говорят, а оттуда слова выкидываются на воздух, и идет эта радио-волна, пока ты ее, обыкновенно, не поймашь. Вот мы здесь ее и ловим... А она, волна эта, отдается в трубе, вроде как отрыжка.

Задумался дядюшка мой, Федор Степаньч. Задумался, усмехнулся и отошел.

А вечером мне и скажи: «Племян, я так понимаю, раз оттуда до нас доходит все явственно, значит и от нас добежит».

— Кто ее знает—говорю—ежели дежурство установлено, знамо, добежит. На то Москва...

И вот в воскресенье дядюшка Федор Степаньч при всем честном народе подобрался к трубе громкоговорительной, да по воздуху и давай нашего предсельсовета чехвостишь:

— Слушайте, дорогие комиссары и вы все товарищи рабочие, что есть за председатель наш Михрюков: обыкновенно, взяточник, волокитчик и пьяница запьянцовский!.. И утешает он нас, граждан села Селивановки, в лучшем виде, и надо его, обыкновенно, сменить по воздуху. Запугал он нас, а теперь, обыкновенно, раз труба установлена, кричу безотступно—давайте защиту!

А в это время дошли, надо быть, слова дяди Федора до Москвы, и оттуда явственно так: «алло». Значит «готово», мол, «отметили».

Прибежал тут Михрюков, оттягивает дядю Федора, а тот его ногой лягнул. Да и кругом граждане осмелели.

— Отстань,—говорит дядюшка,—теперь на тебя управу очень даже легко найти. Не запугаешь, обыкновенно. Пушить буду каждый раз, ежели что не по декрету. Я тебя в ремонт возьму!

Оробел Михрюков.

— Граждане,—говорит,—вот вам мое советское слово, что приму все зависящие меры для моего полного выправления. Зря вы меня обижаете, а ты, Федор Степаньч, зачем без предупреждения критику пушал и перед Москвой осрамил.

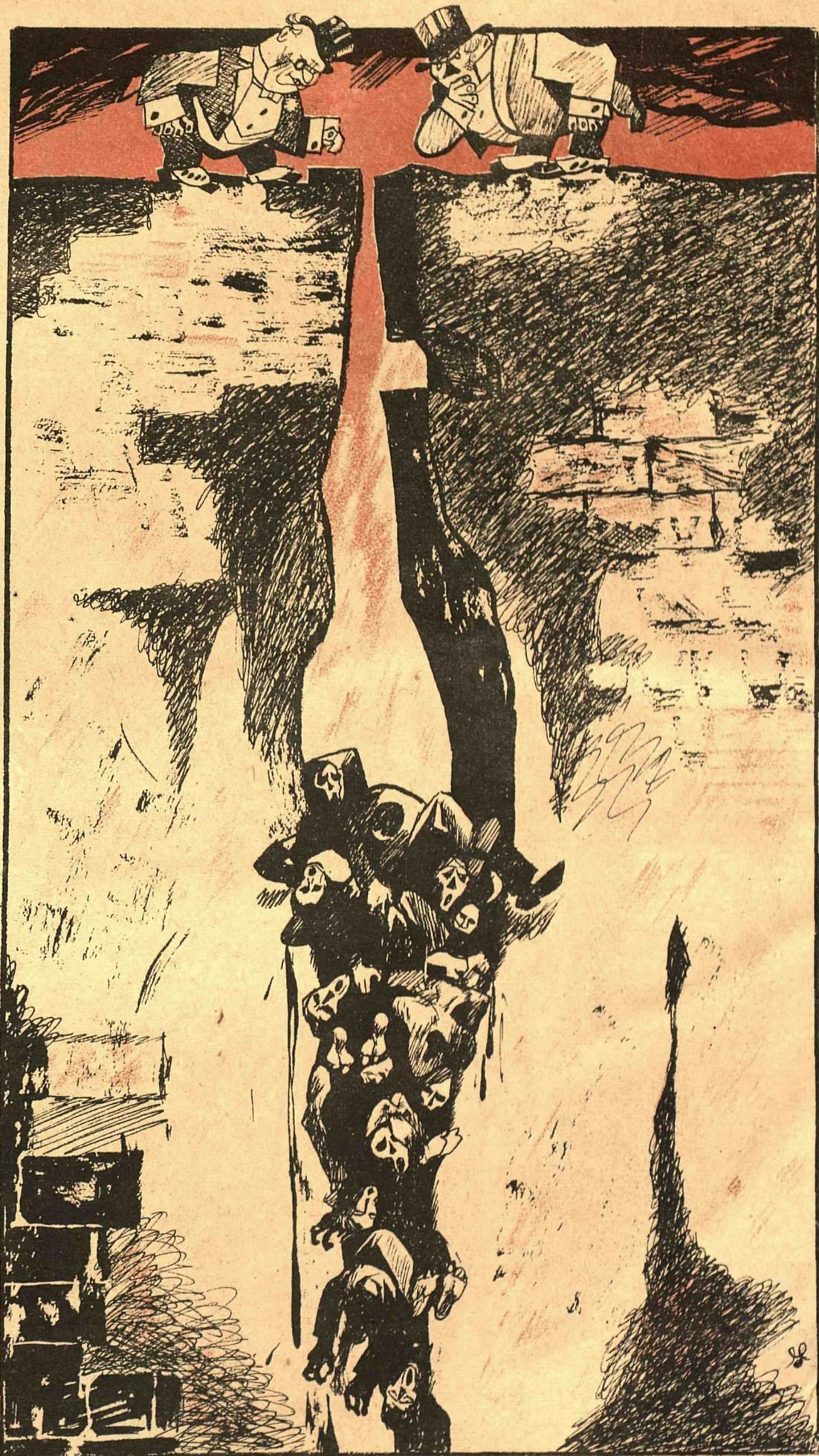
Тут дядя Федор Степаньч трубу бросил и говорит:

— Ладно! Теперь ты для нас, обыкновенно, «тьфу», потому ты от нас, а не мы от тебя. И должен ты быть, обыкновенно, на строгом учете. А ежели что, помни, прямо всем селом в трубу заорем, до Москвы в сей секунд добежит... А там уж тебя до последнего кирпичика разберут и начисто отремонтируют.

К. Милль-Полярный.

ТРЕЩИНА В КАПИТАЛИЗМЕ.

Рис. Ю. Ганфа.

ЛЮДИ НАВЕРХУ:—Чтобы заполнить эту трещину—не обойдешься без китайских рабочих!

11202

ГОСКИНО
МАРТ 1952
КИНЕМАТОГРАФА

РЕМОНТ В КОЛОНИЯХ.

Рис. Ю. Ганфа

ИНОСТРАННЫЙ ОФИЦЕР: — Ремонт взятой крепости к сожалению невозможно произвести из-за отсутствия у местного населения рабочих рук...